УДК 316.613

Замогильный Сергей Иванович – д-р филос. наук, профессор, действительный член Российской академии естествознания, заведующий кафедрой гуманитарных наук Энгельсского технологического института ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина» (г. Энгельс). *E-mail: gh@techn.sstu.ru*

Ставропольский Юлий Владимирович – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии факультета психологии ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов). *E-mail: StJulius@yandex.ru*

С.И. Замогильный
S.I. Zamogilny
Ю.В. Ставропольский
Y.V. Stavropolskiy

Социологический дискурс о монгольской этнокультурной идентичности

В статье рассматриваются особенности социологического дискурса монгольской этнокультурной идентичности в условиях завершения советской модели социализма и установления многопартийной парламентарной политической системы в Монголии на рубеже XX – XXI столетий. Принято считать, что понятие племени, так же как понятие этнической группы, основывается на понятиях родства и общности происхождения. Ряд исследователей полагают ошибочным утверждение, что этнические группы представляют собой генетически чистые популяции, отличающиеся особыми гомогенными и ограниченными культурами. После окончания периода государственного социализма идентичности, выстроенные на основе малой родины, стали стимулировать в Монголии развитие новых институционных форм. После окончания социалистического периода этнические группы (ястан), будучи наследием социализма, утрачивают своё значение в качестве коллективных идентичностей. Однако проблема этничности в 90-е гг. в Монголии становится актуализированной в качестве составного компонента процесса возрождения культурных традиций, возврата к корням, закрытым в социалистическую эпоху. В определенном смысле, любые коллективные

идентичности стали основой для создания социальных взаимосвязей, направленных на оказание взаимопомощи в трудную годину социально-экономического перелома. Принадлежность к ястан сопряжена с осознанием общности происхождения, но лишь частью монгольского народа. Многие монголы не считают свой этнический лейбл особенно важным, отдавая предпочтение идентичности родного кочевья.

Sociological discource in the the Mongolian ethno-cultural identity

The article describes the features of sociological discourse of the Mongolian ethnic and cultural identity in the conditions of completion of the Soviet model of socialism and the establishment of multiparty parliamentary political system in Mongolia in XX – XXI centuries. It is considered that the notion of a tribe, as well as the concept of ethnic group is based on the notions of kinship and community of the origin. Some researchers believe in the erroneous statement that ethnic groups are genetically pure populations, distinct, homogeneous and limited cultures. After the period of the state socialism, the identity, built around a small country, began to encourage in Mongolia the development of new institutional forms. After the end of the socialist period the ethnic groups (yastan) being the heritage of socialism, lose their value as collective identities. However, the issue of ethnicity in the nineties in Mongolia becomes actualized as an integral component of the process of revival of cultural traditions, return to the roots, closed in the socialist era. In a sense, any collective identity became a basis for creation of social interactions, directed on rendering mutual assistance in difficult times of the socio-economic turn-around. Belonging to a yastan is paired with a sense of common origin, but only with a part of the Mongolian people. Many Mongolians do not consider their ethnic label especially important, giving preference to the identity of the native nomadic one.

Ключевые слова: *идентичность, монгольский, социальный, политический, социалистический, происхождение.*

Key words: *identity, Mongolian, social, political, socialist, origin.*

Официальная монгольская историография социалистического периода, изучая многовековую историю своего народа, ориентировалась на проецирование современных этнонациональных категорий в прошлое [1]. Начиная с девяностых годов эти исторические интерпретации начали ставиться под сомнение [2].

На всём протяжении XX в. Монголия шла по пути

советской национальной политики. Создание единого монгольского народа (ундэстен, ард тумэн) велось по советской модели, в соответствии с которой важное значение придавалось идентификации этнических групп (ястан) и описанию традиций (уламжлал). После завершения советской модели социализма и установления многопартийной парламентарной политической системы в Монголии понятия «традиция» и «коллективная идентичность» начали использоваться в качестве потенциального ресурса, помогающего политикам мобилизовать народную поддержку. Особое значение стало придаваться понятию «родное кочевье» (нутаг), отражающему прочность социальных связей.

Совет родного кочевья

Исследователями отмечается, что национальное строительство – в высшей степени политический акт [3]. Этничность выступает частным эффектом специализированных проектов государственного строительства [4].

В начале XX в. советскими государственными руководителями, прежде всего, деятелями Коминтерна, был составлен новый революционный вокабуляр для обозначения национальных и этнических групп. Виднейший архитектор монгольского национального проекта, бурятский этнограф Ц.Ж. Жамцарано, который в 1903 г. обучался в Санкт-Петербургском университете, с 1932 по 1937 гг. работал в Институте востоковедения АН СССР в г. Ленинграде и принял участие в подборе монгольских эквивалентов, соответствующих основным компонентам историко-материалистической теории о стадиях развития этнических общностей [5]. Например, в качестве эквивалента русского термина «народность» Ц.Ж. Жамцарано выбрал монгольское слово «ястан».

Принято считать, что понятие племени, так же как понятие этнической группы, основывается на понятиях родства и общности происхождения [6]. Ряд исследователей полагают ошибочным утверждение, что этнические группы представляют собой генетически чистые популяции, отличающиеся особыми гомогенными и ограниченными культурами [7]. Монгольские этнические группы типа «ястан» в реальности не являются автохтонными родовыми сообществами. Они представляют собой исторически сформировавшиеся административно-политические категории. Например, название западно-монгольской народности захчины («окраинные»), населяющей южную часть аймака Ховд, изначально означало административное подразделение джунгар, сформированное из воинов, получивших приказ охранять границу. После того, как правитель джунгар (ойратов)

Амурсана сдался на милость Манчжурской империи Цин, в 1758 г. захчинов преобразовали в уезд (хошуу) и приказали поддерживать маньчжурского наместника в аймаке Ховд [8].

В советский период захчины продолжали оставаться отдельной административной единицей и получили наименование «ястан». Президент Монголии Ц. Элбэгдорж принадлежит к этнической группе захчинов. Победа на выборах политика, принадлежащего к этническому меньшинству, свидетельствует об отсутствии халхацентризма в монгольском социальном и политическом дискурсе. Нетитульная этническая принадлежность не является в Монголии барьером для занятия высшего государственного поста. В современной Монголии вообще нет политических партий, образованных по этническому или религиозному принципам. При этом, потенциал этнической мобилизации в качестве монгольского культурного проекта находится на излёте в отличие от партийно-политического проекта: в Монголии имеется немало политических движений, нацеленных на мобилизацию этнических меньшинств типа ястан, что может существенно отражаться на итогах голосования.

В политическом отношении более важной разновидностью коллективной монгольской идентичности представляется не этничность, а территориальность. Поскольку территориально Монголия поделена на 21 аймак, которые, в свою очередь, имеют в своем составе 329 сомонов, то в большинстве случаев под территориальной идентичностью понимается государственная административная единица управления. Такое понимание не ново, разновидности региональной политической идентичности играли важную роль в человеческой истории. Лейтмотивом социальной жизни в Монголии выступает принадлежность к малой родине – родному кочевью. После окончания социалистического периода в Монголии произошла смена политической идеологии. Центральное место в новой монгольской политической культуре занял национализм. Образовавшуюся после отказа от марксистско-ленинской идеологии пустоту стремительно заняло чествование монгольских традиций на государственном уровне. Родное кочевье – малая родина – было возведено в сакральный принцип. При непосредственной поддержке государства все жанры художественной литературы и искусства обратились к

воспеванию красоты матери-земли (сайхан эх орон). Политики всех мастей в один голос заявили о своей неразрывной связи с традициями родного кочевья.

После окончания периода государственного социализма, идентичности, выстроенные на основе малой родины, стали стимулировать в Монголии развитие новых институционных форм. В 90-х годах стали стремительно возникать Советы родных кочевий (нутагын зовлол). Эти советы создавались с целью укрепления личных связей жителей кочевий с известными земляками и выполняли функции лоббирования. Большинство таких советов возникли в связи с шестидесятилетием либо семидесятилетием административных районов. Официально советы родных кочевий относятся к категории негосударственных организаций (торийн бус байгууллага) и существуют в каждом административном районе (аймаке).

Таким образом, монгольская коллективная идентичность, скорее, имеет дискурсивный характер, а не сформирована из социальных строительных блоков, плотно пригнанных друг к другу на всех уровнях – от домохозяйства до государства. Монгольская коллективная идентичность эластична и референтна широкому набору социальных категорий. Благодаря этим свойствам монгольская коллективная идентичность приложима к разнообразным групповым контекстам (не только этническим, но и религиозным, региональным и т. п. в зависимости от специфики конкретного дискурса). Каждый из групповых контекстов монгольской коллективной идентичности можно рассматривать в свете проектов мобилизации идентичности (в том числе идентичность на основе родного кочевья как микромобилизационный проект) актуализирующих общность происхождения и акцентирующих аграрные корни на языке взаимосвязей.

Государственное национальное строительство

Национальная идентичность в современном понимании – явление для Монголии относительно новое. Рассматривая период до и во время господства династии Цин (1616 – 1912 гг.), исследователи отмечают, что возникновение монгольской национальной идентичности прослеживается до конца XIX в., однако, в широком масштабе национальная идентичность в Монголии приобрела важное значение лишь с установлением социалистического правления в 20-е гг. Именно социалистическое правительство Монголии взяло

на себя функцию формирования идентичности на основе понятия «нация» [9].

В эпоху династии Цин с 1691 по 1911 гг. Монголией правила аристократия – наследники Чингисхана, которые именовались тайджи [10]. Монголия делилась приблизительно на сотню мелких княжеств, которые назывались хошуу. Это слово принято переводить на русский язык словом «уезд» или «хошун» [11]. Во главе каждого уезда стоял тайджи, носивший титул засаг, что означает правитель. В тот период монгольская этническая идентичность была неотличима от знатного происхождения [12]. Монгольские простолюдины не имели ничего общего со знатью и даже помыслить об этом не могли, поскольку принадлежность к царскому роду служила залогом аристократического статуса. Когда впоследствии монгольские националисты обратились к историческим анналам в поисках общего этнического происхождения всех монголов, они обнаружили лишь списки правивших династий. В историческом отношении родословная монголов упоминает исключительно монгольскую знать. Потомки Чингисхана класс тайджи были единственными полноправными членами монгольского сообщества [13]. Однако в XX в. этот аристократический политический дискурс был преобразован под влиянием новой идеологии. В ходе монгольского движения за независимость стал создаваться новый дискурс народного национализма, в котором общее происхождение от рода чингисидов использовалось в качестве шаблонного понятия монгольской национальности. Вымышленная этно-групповая реальность сыграла в эпоху социализма роль самоисполняющегося пророчества. Этнические группы ассоциировались с возвратом к прошлому. Советские цели братского социализма и пролетарского интернационализма составляли лишь часть исторического воображения, которое полностью можно обозначить термином «национальный популизм». Термин «национальный популизм» применительно к Монголии не выражает никакой конкретной политической идеологии, его не следует воспринимать в смысле классового союза между буржуазией и пролетариатом. В монгольском случае национальный популизм, скорее, означает тесное переплетение национализма и популизма.

Пойдя по советскому пути построения национального государства, Монголия ощутила потребность в собственном эквиваленте русского понятия «народ». Первоначально было предложено слово «ард» (арат, трудящийся). Однако в дореволюционном политическом дискурсе Монголии отсутствовала концепция государственного устройства, ориентированная на народ вообще, присутствовали

промежуточные категории: знать (тайджнар, язгууртан), духовное буддийское сословие (шар), араты, простолюдины (хар). Политические конструкции выстраивались применительно к этим категориям, а не к народу как таковому.

Конструирование монгольской этнокультурной идентичности

Перевод основных понятий исторического материализма с русского языка на монгольский представлял определенные трудности. По аналогии с Советским Союзом, граждане которого принадлежали к множественным этническим группам, монголы ввели регистрацию по принадлежности к этнической группе (ястан). Эти обозначения приобрели статус официальной идентичности, ястан стали записывать во внутренние паспорта граждан Монгольской Народной Республики (далее – МНР). Большинство населения МНР, согласно переписи 1989 г., составили халха-монголы (79%). Среди остальных 25 ястан, согласно той же переписи, наиболее крупными оказались дербеты (55000), буряты (45000), баяты (39000), дариганга (29000), захчины (23000), урянхайцы (21000).

После демократической революции 1990 г. и конституционной реформы Монголия перешла к парламентской многопартийной системе. Несмотря на то, что в новом парламенте Монгольская народно-революционная партия (далее – МНРП) получила 80% мест, политические реформы продолжились, и в 1992 г. была принята новая Конституция, поставившая страну на распутье между парламентской и президентской моделями [14]. МНРП выиграла выборы 1992 г., но потерпела поражение на выборах в 1996 г. и смогла вернуться к власти в 2000 г. с внушительным перевесом, оставшись наиболее влиятельной политической силой в стране. В 2004 г. победы добились оппозиционные партии, сформировавшие коалиционное правительство, но в 2008 г. победа осталась за МНРП. В 2008 г. впервые в монгольской истории победа МНРП сопровождалась обвинениями в подтасовках, массовыми беспорядками с человеческими жертвами и введением в стране чрезвычайного положения.

С самого начала монгольская парламентская система была консоциативной, т. е. характеризовалась уступками полномочий, несмотря на острую политическую борьбу. Победители старались избегать открытой поляризации политического класса, предлагая посты своим оппонентам. Это означало, что в начальный период действия новой политической системы политическая борьба не подразумевала схватки не на жизнь, а на смерть, и, несмотря на остроту полемики, система сохраняла шанс на стабилизацию без крупных потрясений. Смена правящей партии влекла за собой перемены на высоких постах в государственном секторе, однако, преемственность в значительной мере сохранялась. На

телевизионных каналах и в печатных средствах массовой информации оказывались представлены все точки зрения, отражающие полный политический спектр.

Одновременно, как на всём постсоветском пространстве, в Монголии внезапно широко распространилась коррупция (авилга). Взяточничество стало неотъемлемой чертой современной монгольской жизни, в первую очередь в среде немногочисленной новой монгольской элиты, состоящей из богатых предпринимателей и политиков. Такова оказалась повсюду реальность постсоветской рыночной эпохи (зах зээлийн үе).

Термин коррупция (авилга) является относительно новым для монгольского языка, он образован от корня глагола авах – брать, получать – и является словоформой глагола авилгалах – извлекать незаконный доход, вымогать деньги, проявлять алчность. К концу 90-х гг. большинство монголов оказались перед необходимостью давать мзду, по данным официальных монгольских исследований на выборке объёмом 1500 респондентов, более 70% опрошенных согласились с тем, что после окончания социалистического периода коррупция приобрела широкое распространение, лишь 7% – согласились с тем, что коррупция была распространена в социалистическое время [15].

Однако в Монголии дискурс обыденной коррупции надлежит отличать от практик дарения и взаимопомощи в системе социальных взаимосвязей (танил тан), которые представляли собой общепринятые способы взаимной поддержки едой и вещами между родственниками и друзьями в социалистический период, когда никто не относился к этому явлению как к коррупции. В рыночную эпоху чрезвычайную важность приобрел наличный расчёт, повсюду расцвело мздоимство, тем не менее, взаимопомощь в структуре социальных взаимосвязей в Монголии по-прежнему не считается коррупцией среди богатых и могущественных новых монголов. Подобное массовое восприятие вызвано периодически возникающими скандалами, связанными с коррупцией, и опытом приватизации государственных активов, обогатившими горстку людей, тогда как большая часть народа не получила ничего.

После завершения социалистического периода развития Монголии в стране понятие коррупции стало означать моральное разложение (ёс суртахуун ялзрал). Среди современных монголов широко распространилось представление о том, что элита ест деньги (монго идэх), т. е. растрачивает народное добро. Как показали июльские беспорядки 2008 года, угроза, стоящая за уступками властных полномочий и поисками консенсуса, заключается в том, что

общественность начинает выражать беспокойство по поводу монополизации элитой политической и экономической власти в собственных интересах.

Особое беспокойство монгольской общественности вызывает увеличение добычи минеральных ресурсов преимущественно компаниями с зарубежными формами собственности. На фоне общего упадка монгольской промышленности добыча минеральных ресурсов – единственная отрасль, находящаяся сегодня на подъёме. Существуют опасения, что зарубежные добывающие компании истощают минеральное богатство страны, используя для этого подкуп монгольских политиков.

Общественное недовольство вызывается, с одной стороны, слишком тесным сближением отечественного и крупного зарубежного бизнеса, с другой стороны, тесным переплетением представителей политического класса между собой вследствие бесчисленного множества взаимных соглашений и договорённостей. Тем не менее, несмотря на изрядную долю разочарования монгольского народа в правящем классе, электоральный процесс проходит на высоком уровне, отвечающем западным стандартам: в 2008 г. в парламентских выборах участвовали 76% избирателей, а на президентских выборах в 2009 г. проголосовали 74% избирателей. Распределение мест в монгольском парламенте характеризуется незначительным перевесом в пользу сельскохозяйственных избирательных округов.

Большинство административных районов Монголии (аймаков) имеют одно место в парламенте на 10 – 12 тыс. избирателей, города – по одному месту на 20 тыс. избирателей. МНРП имеет более сильную поддержку среди сельских, чем среди городских избирателей благодаря наличию партийных ячеек (уур) по всей стране, другие политические партии пока только стремятся охватить всю страну своими отделениями.

Политические кандидаты стараются заручиться поддержкой избирателей, большинство среди которых составляют сельские жители, демонстрируя свои связи с родным кочевьем и лоббируя привлечение ресурсов в избирательные округа.

Этнокультурная мобилизация в Монголии

После окончания социалистического периода этнические группы (ястан), будучи наследием социализма, утрачивают своё значение в качестве коллективных идентичностей. Однако проблема этничности в 90-е гг. в Монголии становится актуализированной в качестве составного компонента процесса возрождения культурных традиций, возврата к корням, закрытым в социалистическую эпоху. В определенном смысле любые коллективные идентичности стали основой для создания социальных взаимосвязей, направленных на оказание взаимопомощи в трудную годину социально-экономического

перелома. Принадлежность к ястан сопряжена с осознанием общности происхождения, но лишь с частью монгольского народа. Многие монголы не считают свой этнический лейбл особенно важным, отдавая предпочтение идентичности родного кочевья. К счастью, этнокультурная мобилизация не привела в Монголии к серьёзным конфликтам. Существуют казахские члены МНРП и казахские члены оппозиционных политических партий. Казахские парламентарии представляют регионы с компактным проживанием казахского населения (например, аймак Баян-Улгий), но не сумели сформировать парламентский блок. Существует множество казахских культурных организаций, поддерживающих связи с Казахстаном и с другими исламскими государствами, но они не образуют политической партии.

Таким образом, эпоху парламентаризма, церемонии и ритуалы продолжают играть важную роль в поддержании коллективной идентичности и чувства сопричастности. Современная Монголия показывает пример нормативного функционирования коллективной идентичности, предписывающей определенной группе людей обязанность испытывать чувства общности в границах установленного дискурса (родового, исторического, территориального). Несмотря на прочное укоренение понятия национальности в монгольской культуре, в условиях мобилизации иных разновидностей коллективной идентичности и призывов со стороны политических деятелей к взаимной лояльности и общей солидарности и то и другое остается на уровне общих деклараций и проектов, не всегда успешных. Этнокультурная идентичность и история интересуют в Монголии не всех. За пределами непосредственного социального окружения – семьи и друзей – намного важнее оказывается коллективная идентичность по территориальному, а не по этнокультурному принципу. Набор социальных групп, референтных данному случаю, представляется рыхлым и перекрывающим одна другую. Каждый раз эти группы оказываются контекстуально специфичными, в зависимости от конкретного дискурса либо точки зрения: провинциалы в столице, деятели экологического движения, участники местного церемониала и т. п. Отмеченные паттерны играют мобилизационную роль в диапазоне от государственной национальной политики до микромобилизационных проектов в отдельно взятых

домохозяйствах. Они все ориентированы на общность происхождения и территориальные корни и формулируются на языке взаимосвязей.

Литература и источники:

1. Гонгор, Д. Халх товчоон (Краткая история Халхи). В 2 т. / Д. Гонгор. – Улан-Батор, 1978.

2. Munkh-Erdene, L. The Mongolian Nationality Lexicon: From the Chinggisid Lineage to Mongolian Nationality (From the Seventeenth to the Early Twentieth Century) / L. Munkh-Erdene // Inner Asia. – 2006. – № 8 (1). P. 51 – 98.

3. Laclau, E. On Populist Reason / E. Laclau. – London, 2005. – P. 154.

4. Alonso, A. M. The Politics of Space, Time and Substance: State Formation, Nationalism, and Ethnicity / A. M. Alonso // Annual Review of Anthropology. – 1994. – № 23. – P. 391.

5. Цибиков, Б. Д. Цыбен Жамцарано / Б. Д. Цибиков. – Улан-Удэ, 1997. – 40 с.

6. Hobsbawm, E. Nations and Nationalism Since 1780 / E. Hobsbawm. – Cambridge, 1990. – P. 63.

7. Alonso, A. M. The Politics of Space, Time and Substance: State Formation, Nationalism, and Ethnicity / A. M. Alonso // Annual Review of Anthropology. – 1994. – № 23. – P. 392.

8. Atwood, C. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire / C. Atwood. – New York, 2004. – P. 617.

9. Kaplonski, C. Creating National Identity in Socialist Mongolia / C. Kaplonski // Central Asian Survey. – 1998. – № 17 (1). – P. 35.

10. Владимирцов, Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б. Я. Владимирцов. – М., 2002.

11. Кручкин, Ю. Большой современный русско-монгольский – монгольско-русский словарь / Ю. Кручкин. – М., 2006.

12. Munkh-Erdene, L. The Mongolian Nationality Lexicon: From the Chinggisid Lineage to Mongolian Nationality (From the Seventeenth to the Early Twentieth Century) / L. Munkh-Erdene // Inner Asia. – 2006. – № 8 (1). – P. 51 – 98.

13. Atwood, C. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire / C. Atwood. – New York, 2004. – P. 507.

14. Munkh-Erdene L. The Transformation of Mongolia’s Political System: From Semi-Parliamentary to Parliamentary? / *L. Munkh-Erdene* // Asian Survey. – 2010. – № 50 (2). – P. 331 – 334.

15. Sneath D. Transacting and Enacting: Corruption, Obligation and the Use of Monies in Mongolia / D. Sneath // Ethnos. – 2006. – № 71 (1). – P. 89.